

Yume no
Nakaisha

Переходящая Пустыня

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Yume Nakaisha

Переходящая Пустыня

Серия «Переходящая - том 1», книга 1

<https://litres.ru/73930098>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Берёшь чужое — отдавай своё»

Она очнулась на холодном полу. Рядом — её собственное мёртвое тело. А на стене светились слова: «Берёшь чужое — отдавай своё».

Она не помнит, кто она. Не помнит, как сюда попала. Единственное, что у неё есть, — дверь в пустыню и страх, что она больше никогда не станет собой.

В пустыне, где вода дороже золота, а выживание — это каждый день, она встречает отряд наёмников, который принимает её за погибшую дочь правителя. Она врёт. Потому что правда не спасёт. Потому что быть никем здесь — значит умереть.

Но Башня, которая наблюдает за ней, не забывает. Каждое заимствование требует платы. Имя — в обмен на воспоминания. Роль — в обмен на себя.

Это «Первая книга цикла "Башня снов". Том 1: "Переходящая". Часть 1: "Пустыня".»

Для читателей старше 18 лет. Сцены психологического напряжения, жестокости.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Переходящая Пустыня

Предисловие

Слушай.

Я не знаю, зачем ты открыл эту книгу. Может, искал приключения. Может, хотел сбежать от реальности. Или просто случайно наткнулся.

Но раз ты здесь — будь готов.

Здесь нет героев в сияющих доспехах. Нет лёгких побед и счастливых случайностей. Только пустыня, в которой каждый шаг отдаёт болью. Только песок, который въедается в кожу. Только ложь, которая становится единственным способом выжить.

Я писала эту историю, потому что хотела понять: что значит потерять себя? Что остаётся, когда от тебя отнимают имя, память, прошлое? Я до сих пор не знаю ответа. Но, кажется, стала чуть ближе.

Осторожно. Здесь больно. Здесь жестоко. Здесь иногда хочется закрыть книгу и не открывать её больше. Но если ты останешься — я обещаю, что мы пройдем этот путь до конца.

R.S. 18+. Нецензурная лексика. Кровь. Психологическое насилие. Я предупредила.

Глава 1

Осколок сновидения

Сон не отпускал меня, навязывая желание полежать «ещё немного». Но острая ломота в теле, бьющая дрожью, решала всё за меня. Я не понимала, откуда в комнате этот звенящий холод. Еле продрала глаза. Тело скованное, будто пролежала сто лет. Это не мой дом...

Паника. Она искрит в каждом уголке моего тела. Движения становятся резкими и дёрганными. Горло спирает колючей проволокой. Голова пульсирует тупой болью, не давая мыслям собраться воедино. Холод половиц уже пробрался под кожу и ввёлся в кости. Зрение, едва привыкшее к мраку, начало различать силуэты. Они словно двигались.

Я вскочила.

— Что...

Скрипучий голос сорвался. Боль раздирала глотку. Что происходит? Где я? Мысли пронеслись, не успев стать словами. Попыталась сглотнуть — не получилось. Воздух тут был спёртым, удушающим, вязким. И мрак, окутавший всё, поглощал каждый звук. Не слышно было даже дыхания.

Первое, что я увидела, — полукруглое окно с невесомой ажурной занавеской. Она колыхалась без ветра.

Надо посмотреть, где я.

Ноги сами понесли меня ближе. За стеклом находилось

нечто расплывчатое. Там сливались цвета и тени. Взгляду не удавалось поймать ни одной детали.

Я отшатнулась и глухо ударилась бедром о что-то твёрдое.

Комод. Старый и резной, как у моей бабушки. А на нём, с самого края...

Горшок. С розой. Бабушка выращивала такие же под нашими окнами в деревне. Воспоминания о тихих, уютных вечерах на веранде и сладкой клубнике с сахаром и молоком. Они были очень важны для меня и вызывали тёплую ностальгию с лёгким оттенком грусти о моментах, что так быстро и незаметно пролетают.

Багровая, поникшая. С ярко-красным акцентом по краям увядших лепестков когда-то пышного бутона.

Кольнуло сердце — острой иглой тоски и печали. Я отвела взгляд. Он споткнулся о мольберт в углу.

На холсте — сумеречное небо, поле и деревушка. Картина дарила согревающее чувство, отзывавшееся в груди незнакомым, но до боли светлым воспоминанием. Я никогда не видела этого пейзажа, этих домов, дорог, но всё это отзывалось во мне так, словно я там жила. Чужие воспоминания разрастались в моей груди, вытесняя мои собственные.

Сделав несколько робких шагов к нему, я застыла.

Краски.

Они словно ожили. Медленно, неукротимо ползли вверх по холсту. Насмехаясь над законами физики. В голове прояснилось: я во сне. Значит, тут не опасно. Со сном я смогу

справиться.

С облегчением выдохнула. Но не уловила ни звука, только сдавленный, сухой хрип где-то внутри горла.

Нужно проснуться. Мысль пронзила голову. Хватит. Хватит этого абсурда.

Из осколка памяти — хрупкого, того, что ещё пахло настоящим миром, — проявилось детское правило: от щипка просыпаешься.

Я зажмурилась. Впиалась ногтями в предплечье — и рванула. Боль, резкая, словно ножом, прошла по нервам. В углу глаза затекли слёзы.

Раз... Два... Три.

Я распахнула глаза. Всё так же: комната, окно, пронизывающий холод половиц. Ничего не изменилось. Даже боль. Она звучала по-другому. Не как сигнал к пробуждению, а как доказательство обратного. Способ не сработал. Ничего не сработало.

— Придётся играть по твоим правилам, — выдохнула я признание в вязкий воздух. Надежда умерла. Если боль не смогла меня пробудить — значит, я не в своём сне. Это не мой мир. Не мои правила.

Воздух поглотил слова, не оставив даже эха.

Ладно.

Значит, ищем дверь.

Шкаф — такой же ветхий, как комод. Копия. Взгляд прошёл дальше и зацепился за единственное светлое пятно.

Белая дверца.

Вот и выход, — мелькнуло в голове. Она была единственным светлым пятном в окружающем меня мраке. Белый цвет обещал спасение, нормальность, спокойствие.

Рядом — кровать. Побитая, с трухлявым ложем. Постельное бельё тускло-зелёного цвета, пропитанное затхлостью. Я прошипела, губы исказились в оскал.

— Сложно было положить меня сюда? — Отводя взгляд, я обнаружила иное.

Дверь.

Не белая. Тёмное дерево, рассечённое железными прожилками. Она была врезана в голую плоть комнаты. Как уродливый шрам.

В белую, — отрезала я мысленно.

Шаг. Второй.

Мир рухнул.

Я падаю, споткнувшись обо что-то мешковатое. Удар грудной клетки о пол выбил из меня весь воздух.

«Что... Там же ничего не было...» — промелькнула мысль. Приподнявшись на локтях, я обернулась, всматриваясь в тьму.

Зрачки резко расширились, придавая ненужную чёткость чудовищной картине. Сердце замерло. Пропустив удар, забилось в бешеном такте, отдавая пульсом в ушах. По спине от макушки поднялась волна мурашек, словно под кожу засыпали мелкие иглы. Я оцепенела. Всё тело сковало судоро-

гой, превратив меня в неподвижную статую. В горле встал ком. Крик вырвался наружу тихим мышинным хрипом. Животный, бездонный ужас заполнил собой всё. Без остатка.

У моих ног лежала... я.

Нет. Тело. Нет. Труп-копия, потерявшая все краски, изошрённая пугающими деталями. Волосы — чёрные как смоль — находились в полном хаосе, будто взбунтовавшись против своей участи. Одета в то же тряпье, что и я. В неестественной, изогнутой позе она смотрела на меня. Лицо... От него ничего не осталось. Щёки впали внутрь, очерчивая кости черепа. Глазницы — мутное стекло, сливавшееся с её мертвенно-туманной кожей, отражали мои, залитые страхом глаза.

И она улыбалась. **ЧЕРТ ВОЗЬМИ, УЛЫБАЛАСЬ МНЕ.** Беззубым, сухим, нечеловечески широким оскалом. Стоп. Если здесь лежит моё тело... То кто сейчас смотрит на него? Что со мной? И эта улыбка явилась ответом.

Она знала... И молчала.

Адреналин забурлил под кожей, приказывая действовать. Тело ринулось само. Я вскочила на ноги. Взгляд заметался, ища знакомый светлый контур. Белая дверь... Где?

Стена. Голая. Гладкая. Глухая.

НЕТ. НЕТ. НЕТ. НЕТ...

Её не было... Никогда не было. Но она была здесь. Я видела. Это всё иллюзия? Насмешка над моим и так шатким разумом? Кто-то дал мне надежду, чтобы посмотреть, как я

к ней побегу и разобьюсь о реальность. Он дал мне её и отобрал, потому что мог. Это всё кошмар. От них просыпаются.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПРОСЫПАЮСЬ?

Взгляд, мечущийся как у загнанного зверя, вцепился в единственный вариант. Дверь-шрам.

Выход? Ловушка? — мысли пронеслись мельком, не требуя ответа. Другого выхода не было. Эта дверь смиренно дожидалась меня с самого начала. Чужеродная. Неправильная. Но выбора у меня не было никогда.

Бежать. Сейчас.

Я ринулась к ней, влетев плечом в тёмное дерево, — и вывалилась в спиральную ловушку из бесконечного коридора, уводящего вглубь. Холод камня ударил по коже, резкий, как собственный пот. Мысли пропали. Осталось только действие.

БЕГИ.

Глава 2

Время чужого имени

Ноги сами несли меня вниз. Жгло пятки. Дыхание спёрло. Остановилась. Из стены миражом явилась дверь. Всё такая же — тёмная, чуждая. «Обратно или в другое место?» — мелькнуло в голове. Я узнала её. Такая же, как и в той комнате, — дверь-щрам. Все двери в этом месте одинаковые. И каждая из них ведёт в свой личный ад.

Отдышавшись, инстинктивно подалась ближе. На стене голубовато-синим свечением светилась выцарапанная на камнях надпись. Она гласила: **БЕРЁШЬ ЧУЖОЕ — ОТДАВАЙ СВОЁ**. Текст произнёсся сам, нечеловеческим голосом, вжившись под корку мозга. Правило или угроза — я не знала, но понимала только одно: тот, кто это оставил, не собирался меня предупреждать. Он просто наблюдает и играет со мной. Ему нравится издеваться, и это пугает меня больше всего.

— Что... Я ничего ни у кого не брала, — нахмурившись, вырвались из меня слова едким шёпотом.

Бред.

Рука сама нашла дверную ручку. Заглянула. Не успев понять, что происходит, меня втянуло. Тёмная бездна. Оглушающий хлопок. Кости перемалывались — словно проходя через мясорубку. Внутренности скрутило в тугой узел и

выплюнуло наружу. Оголённые нервы кричали нестерпимой болью. Сознание покинуло меня. Это была плата. Плата за переход. И я не знаю, сколько раз мне ещё предстоит через это пройти, чтобы окончательно не чувствовать, как меня всю выворачивает изнутри.

Проснувшись от пульсирующей, обжигающей боли, я лежала на песке. Он вьелся в лицо. Судорожно выкашляв его остатки из лёгких, я протёрла глаза. Окружала меня бескрайняя пустыня, практически испепеляющая мою плоть. Воздух был раскалённым металлом. Дюны, окружившие меня, были песчано-бледными, что ослепляло ещё больше, чем солнце. Рядом промчалось пронзительно-синее перекаати-поле.

«Почему я не могу очнуться хоть раз на чём-то приятном?» — мысленно простонала я.

Опершись ладонями о жгучий песок, встала. Отряхнулась от колких песчинок. Решилась — надо идти. Лежа под палящим солнцем, точно не выживу. От перегрева я потеряла счёт времени. Во рту чувствовался привкус пыли и грязи. Кожа вся словно пылала. На горизонте зашевелились фигуры.

Мираж? Хуже.

Пустынники.

Замедлив шаг, я оступилась. Насторожилась, напряжённо наблюдая. Это были первые живые люди в этом странном месте. Мышцы инстинктивно напряглись, сухость во рту сковала горло.

Окинув меня взглядом, они отвернулись. Со стороны я выглядела нелепо для обитателей пустыни: бледная, покрытая ожогами кожа, грязное, кусками висящее тряпье, открывавшее вид на мою болезненную худобу. Мёртвый груз.

Рот заполонила волна слюны при виде их провизии. Аппетитные свёртки из теста, бурдюки с водой. Живот предательски громко и болезненно заурчал. В голову зарылась мысль — спроси дорогу или стащи припасы. Но воровать у закалённых песками охотников — безумие. Сильные, уверенные, прошедшие кучу опасностей, и я — еле живая и полностью дезориентированная. Самоубийство.

Их было пятеро. Уловив нить разговора и стараясь их рассмотреть, я прислушалась.

— Рейм, гляди, кого-то в пустыне умирать бросили. Оставим тут? — проговорил один из двух парней, что сидели у поводьев.

— Заткнись, Аскр. — оборвал того огромный мускулистый мужчина с саблями. Голос как хлыст рассекал воздух.

Глава.

Девушка с красными отметинами лениво облокотилась на повозку и молчала. Но её взгляд...

Повозку тащил ящер. Кожаный капюшон. Раздвоенный хвост для манёвренности. Вся кожа путников была будто наждачный камень, потрескавшаяся и грубая, веки по углам срослись, что больше выделяло их прищур. Шрамы больше походили на отметины жгутов.

Лучше подойду. Это мой призрачный шанс выбраться живой. Ноги сами повели меня в их сторону. Они могут убить меня. Могут бросить. Но не попробовать — так же равносильно смерти. В этом месте одной не выжить.

Ребята не обратили на меня внимания, их сухой, трескучий смех резал слух. Девушка смотрела презрительно, ледяным оценивающим взглядом, что продрал меня до костей.

— Откуда явилась? — прошипела она в мою сторону. — Выкинули тебя за ненадобностью или сбежала?

— Я не из этих мест, — протараторила я. — Хотела только путь спросить.

— Нет нам проку тебя выводить, проблем не оберёшься, — выплюнула она слова, словно яд мне в лицо. — Только алые бегуны могут «пустыню душ» преодолеть. Тебе живой не выйти.

— Скажите, где укрытие. Дойду.

— С тебя нам взять нечего. За просто так не помогаем. А сказать, куда идти, — всё равно сгинешь. По дюнам ориентироваться быстро не научить.

— Оставь её, Бина, — отрезал голос мужчины. — Не время. Песок бунтует. Буря идёт.

Буря. Это конец. Сил на борьбу с этим местом не осталось. Только нечеловеческая усталость и смирение. Я приняла это.

Пока бандиты с невероятной точностью и скоростью сворачивали лагерь, старец шикнул скрипучим голосом. Жестом руки призывая подойти ближе.

— Твоё лицо... Знаю, знаю... Ты дочь Айнорда! — Его глаза прозрели на миг из дымки тумана. — Того самого... что... город... столица... Я служил! Стой... — Его голос сорвался. — Вас же... всех... перерубили... а город... Как?! Как ты уцелела?

Я не понимала ни единого слова. Но выбора не было. Соглашусь — смогу прожить подольше. Нужно врать. Это шанс. Я не знала, кто такая Асирис. Но если я скажу правду, точно не выживу. В пустыне те, у кого нет имени, долго не живут. Лучше быть чужой дочерью, чем мёртвой незнакомкой.

— Да... Это я... — переминаясь с ноги на ногу, призналась я. Во рту читался привкус глины — привкус лжи. — Ничего не помню... Жара, жажда... И эта бескрайняя пустошь. — Это была правда. Я действительно не помнила, как оказалась здесь и как выжила. Потому что меня тут никогда и не было, но им не стоит этого знать.

Старик глухо окрикнул главу.

— Берем девицу с собой. Я оплачу. Старый долг... Её отец...

Рейм хмуро окинул меня взглядом. Едва заметно кивнув, отвернулся.

— Поедешь с Биной сзади. Хиндо — со мной. В путь, — раздался приказ из-за спины.

Я не знала, кто этот старик. Но потому, как их лидер стиснул зубы и кивнул, я поняла: ему должны. И этот долг боль-

ше чем просто деньги.

Так и началось.

Первый час: спина ящера то появлялась, то исчезала в песке, словно дельфин, плывущий по дюнам, маневрируя хвостом, иногда выныривая наружу — захватить кислород. Бина отвернулась, облокотившись спиной о повозку, лениво поглядывая на горизонт. Я впиалась пальцами в деревянный борт, боясь вывалиться и увязнуть в сыпучих песках.

Первая ночь: холод, сменивший жару, не уступал ей в безжалостности. Песок быстро остыл и отдавал губельным холодом в ступни. Я не могла находиться на нём и осталась наблюдать с повозки. Ребята, Аскр и Дунай, выступали патрульными. Они двигались вокруг лагеря резкими и чёткими движениями, передавая друг другу сигналы жестами. Мне удавалось уловить лишь обрывки: щелчок пальцев — смена, ладонь к земле — тихо, два пальца к глазам — смотри. Язык тел, экономящий каждую каплю влаги. Я молчала, впитывая этот немой танец выживания.

И лишь на рассвете второго дня старец Хиндо, сидя у тлевших углей как тюк, кряхтя, протянул мне плоскую лепёшку.

— Это костяной хлеб. Он из молотых костей и хрящей перекатных волколисов. Смешан с их кровью и горстью муки из верблюжьей колючки. Не вкусно, но питательно, — сообщил он.

Я взяла из его рук тонкую черно-серую лепёшку. Она

ощущалась куском истлевшей древесины. Укусила... Сухие крошки, осыпавшись, попали на язык и, смешавшись с выступившей слюной, превратились в горький привкус ржавчины и пыли. Желудок тут же заработал, впервые за долгое время подав признаки жизни тянущей, приятной болью.

— Ешь, дочь Айнолда. А я пока... Вспомню... Город-памятник... Честь основателя... Твой предок... Слугой был... До того... Всех перерубили... Крепость сожгли... — Его слова оживляли царившую долгое время тишину. Я не понимала. Но привкус пепла от лепёшки и тоска в его голосе были понятны и без перевода.

Рейм свистнул коротко, отрывисто. Весь лагерь замер. Немой приказ, перебивший вой ветра.

Взгляды обратились на него. Жестом разглаживания одежды он что-то сообщил путникам. Все встали и по очереди взяли пустые мешки из кожи. Начали набирать песок.

— Держи, — кинув в меня один из них, сказала Бина. — Идём.

Пройдя в сооружённый из палок и шкур навес, она начала снимать с себя вещи. Я задеревенела.

— Что?! — раздражённо фыркнула она. — Никогда не мылась?

— Песком? — спросила я и сразу же ответила: — Нет, не приходилось.

— Бери остывший из мешка и втирай в кожу. Нужно снять с тебя грязь.

Зачем мне это и как это работает, было не ясно. Но я подчинилась. Разделась. Высыпала на ладонь горсть. Принялась за дело.

Песчинки — острые и скрипучие — царапали кожу, снимая старый, грязный, уставший слой. Ожоги запекло с новой силой. Чувства обострились, я словно сменила кожу. Она чувствовала всё: каждый порыв ветра, каждую песчинку, скатывавшуюся по её покрову. Я обрела что-то иное — обострённое взамен старого и привычного.

Потянувшись за своим тряпьем, мою руку обдало жгучей, хлёсткой болью. Бина щёлкнула меня ладонью по руке.

— Нет. Босс велел тебя переодеть. Выделяешься. Возьмёшь моё, старое, — отчитала она, кивнув в сторону чёрной кучи ткани.

Я подошла ближе, подбирая грубую, тяжёлую, шероховатую ткань. Она была странным куском, в который нужно было обернуться с головой. С ней шла куча завязок и непонятных ремней, вызывая у меня ступор.

— Ты что, маленький ребёнок?! Всему тебя учить придётся, — прошипела Бина, уже собравшись и смотря на меня с немим упрёком.

Подойдя ко мне ближе, она начала объяснять, какую часть тела куда закутывать, где подвязать, а где затянуть.

Провозившись минут пятнадцать с ремнями, я наконец-то была укрыта и готова к путешествию. Грубая ткань скреблась о кожу, вызывая дискомфорт в теле. Из-за массив-

ности и цвета я не понимала, как она может спасти от жары. Но ощущая, как спёртый горячий воздух, скопившись вокруг моего тела, выходит через верх одежды, а холодный, приятный поднимается снизу, обдавая кожу морозными мурашками, я прояснила для себя: «Вот как...»

— Пошли, попьём, — отрезала она, выходя из палатки.

«Вода! Наконец-то!» — мысли пронеслися табором у меня в голове. Придав сил, я поторопилась успеть за размашистым шагом девушки.

Подойдя к Рейму, она провела большим пальцем от подбородка вниз по горлу. Окинув меня взглядом, он кивнул и вручил ей горсть гальки. Подозвав меня махом руки, отсыпал и мне тоже.

— Я думала, мы сейчас будем пить... — произнесла я с тихой грустью.

— Мы и собираемся. Бери камни и клади в рот. Скоро соберётся слюна, и ты сможешь утолить жажду. Не думала же ты, что мы будем тратить такой ценный ресурс, как вода? — усмехнувшись, сообщила мне девушка и закинула свою горсть с явным желанием.

Боясь представить, где до этого — или в ком — был этот гравий, я быстро повторила за Биной. Нужно было побороть брезгливость до того, как она меня погубит. Перекатывая с одной щеки на другую шероховатую, солоноватую на вкус, с явным оттенком меди гальку, я почувствовала, как начала понемногу проступать слюна, сглаживая сухие участки и те-

мень в горле. На смену отвращению явилась благодарность. За шанс выжить. За эти крупницы знаний. За то, что не бросили.

После небольшой передышки мы выдвинулись дальше. Только к ночи, снова разбив лагерь, группа разбрелась по разным делам. Я осталась одна. У костра.

Со всеми мыслями и эмоциями, которые так долго избегала. Весь день я только и думала о том, как выжить. Не было времени на вопросы. Но теперь — тишина. Она как плаха, медленно возвращала осознание, что рубило меня больнее, чем любое ранение. Я не помнила, как меня зовут.

Как я сюда попала? Что это за комнаты? Почему я стала дочерью Айнорда? Как её звали? Стойте... КАК МЕНЯ ЗОВУТ? Что происходит... Почему... ПОЧЕМУ?! Почему я не помню собственного имени... Меня начала бить мелкая дрожь, тело инстинктивно скрутилось в клубок. Воспоминания, преследовавшие меня в кошмарах, всплыли в памяти с новой силой. Копия-труп. Выцарапанные слова перед дверью. Вот что они означали... Я взяла чужое имя, отдав своё. Теперь у меня нет имени... Теперь у меня чужая роль... Роль, сути которой я не знаю... В мире, который не понять... Это ловушка... Я сделала этот шаг... В пасть зверя... Не ведая того... И теперь придётся идти до конца.

«Молодец, дитя...» — пронёсся громом в голове чуждый голос. — «Ты сама нашла второе правило... Находчивая... Пережив чужую судьбу, играй ей до конца...» — И загадоч-

ный голос стих так же быстро, как и явился.

До чьего конца? Моей жизни? Её судьбы? Вопрос повис в воздухе. Ответа не последовало. Разбираться придётся самой. Не заметив накатившей волны усталости от потока мыслей и прошедших физических испытаний, я канула в сладкую дрему.

Кто-то разбудил меня, дёргая до треска ткани и раскачивая. Это были Аскр и Дунай.

— Эй, псс, выжившая, — шёпотом обратился один из них. — Пошли. — Ещё не до конца придя в сознание, я поднялась и пошла за ребятами следом.

Рейм стоял с саблями в руках, Бина держала лук, повесив колчан на пояс. Глава продемонстрировал: три пальца, направление на север кивком головы, мах рукой в их сторону. Я непонимающе уставилась на ребят. Поняв, что мне придётся объяснять, они разжевали его жесты. Он услышал трёх перекатных волколисов. Выходим на охоту в направлении севера.

Ты должна наблюдать.

И мы отправились в дорогу, оставив парней сторожить лагерь. Они двигались бесшумно, сливаясь с тенями. Мне же приходилось сосредоточиться на том, чтобы не мешать и ступать по пятам. Следы тут жили секунды.

Животные не заметили идущую за ними смерть. Бина подняла горсть песка и распылила по ветру, находя его направление и силу. Достала стрелу. Натянула тетиву. Вдох.

Щелчок. Рассекающий свист пронзил воздух. Стрела настигла цель мгновенно. Наконечник вошёл в глазное яблоко, проходя дальше в основание черепа. По морде стекла вязкая алая струя. Всё его тело вздрогнуло на мгновение и, накренившись, рухнуло на песок. Жизнь покинула его быстро. Даже мышцы не успели дать ему согнуться в падении.

Остальные две особи среагировали молниеносно — бросившись врассыпную. Охотники не отставали. Рейм рванул на звук вслед за самцом. Бина понеслась за самкой, на бегу готовя второй выстрел. Снова — режущий слух свист. Бедро твари взорвалось алыми брызгами. Самка успела зарыться в дюну, спасаясь от погони, оставив только кровавый след. Глава настиг волколиса в считанные секунды. Взмах. Крик животного, переходящий в скулящий вой. После — только кусок его ноги. Туша укрылась в песчаных коридорах дюн. Забрав свои трофеи, мы вернулись в лагерь.

Сидя у костра, перед глазами мелькали обрывки прошедшей охоты. Жмурясь, мотая головой, я пыталась их прогнать. Но бездыханное тело животного, которое около меня свеживал Рейм, возвращало меня обратно в кошмар. По дороге в лагерь я успела рассмотреть его лучше. Чудовище при жизни было стройным, с пластинчатой бронёй, редкими проблесками шерсти, мощными челюстями и массивными лапами.

Бина, чистя странные корнеплоды, бросила колючую фразу:

— Научилась чему? Груз.

Слова больно впились в спину. Но заполнившая рот слюна, появившаяся от мыслей о вкусном, сочном, жареном мясе, заставила быстро забыть острое замечание.

— Мы будем это есть? — вырвался вопрос сам собой.

— Не сейчас, — отрезал Рейм, отсекая шкуру от мяса точными движениями. — Мясо капризное. Сейчас заготовлю. Утром можно будет пробовать. А сегодня... — Мгновенно метнув нож в стену руины, он продолжил. Тишину резко сменил стрекочущий писк. — Голуборогие ящерицы. Ловите сами. Эта — старику. — Закончив, он вернулся к делу.

И наша маленькая компания из четырёх человек зашевелилась.

Тихой поступью приближаясь к развалинам.

— Эй, выжившая, — поманил меня жестом руки Аскр, подмигивая Дунаю. — Хочешь есть — лови! — Указав кивком на расщелину, из которой доносился голубой отблеск света.

Дунай, ловко перебрасывая с руки на руку небольшой пращ, приложил палец к губам, приказав молчать.

— Они чувствуют вибрации. Подкрадывайся со стороны ветра. Бей точно и быстро — зароятся так глубоко, не раскапашь.

Я кивнула, чувствуя, как задеревеневшие мышцы просыпаются. Сосредоточилась. Взяла заострённую палку — тяжёлую, обугленную на конце. Охотились мы бесшумным кас-

кадом.

Аскр и Дунай растворились в тени стены, перекрывая отход. Бина, забыв на минуту о высокомерии, жестом указала на трещину, откуда шёл самый яркий свет. Её взгляд говорил: «Твоя цель. Не облажайся». Затаив дыхание, я присела. Вспомнила детский двор, игру в прятки, затаившееся дыхание. Во мраке здания мелькнул голубой рог. Он пульсировал, раскатываясь по укрытию существа небесно-голубым светом.

Вложив в удар не силу, а скорость и точность, палка вонзилась в мягкий грунт рядом с ящеркой, пригвоздив её гибкий хвост к известняку. В тот же миг Дунай метнул камень из пращи, оглушая вторую ящерку, вылезшую на шум. Аскр поймал её на лету.

— Неплохо для скелета, — неожиданно похвалила Бина, уже держа в руках свою добычу, пойманную голыми руками. В её голосе впервые не было издёвки, а лишь лёгкое удивление. — Рог не повредила, это главное. Он сладкий.

Добыв ещё пару ящеров, мы стянулись обратно к костру. Пламя, пожиравшее синее перекасти-поле, отдавало ядовито-зелёными языками по краям. Мясо на прутьях потрескивало. Аскр вскрыл рог как орех — кивнув мне, ожидая, как я повторю движение. Неловко кромсая бедный рог, я смогла достать из него мякоть. Желе переливалось мягким цветом синевы. Положив его на кончик языка, я ощутила... вкус ароматной мяты, дальних охлаждающих оазисов, морского

бриза.

Это был первый настоящий вкус, не похожий на боль, песок и пепел.

Буря накрыла лагерь стеной воющего песка. И сквозь этот гул просочился иной звук — шорох коротких лап. К огню вышла песчаная лисица — тощий, почти голый гибрид волколиса, с умными глазами и шелковистым мехом. Гонец. На шее у неё болталась трубка, перевязанная шнуром с гербом, запачканным бурой грязью.

Хиндо, вырвав послание, прочёл его при свете углей. Черты его лица исказила гримаса недовольства. Взгляд застыл.

— Цитадель... Падёт... Нет... Рейм... Контракт мёртв. Плата двойная. Промедление — смерть.

Главарь обвёл нашу компанию взглядом — холодным, быстрым, как удар ножом.

— Ты остаёшься, — кивнув, он указал на меня.

Я хотела спросить: «Почему?» Но он уже отвернулся. И я поняла: им нужна скорость. Ящер не вытянет лишний груз, и этим грузом для них являлась я.

Аскр на прощанье вложил мне в ладонь мешок.

— Вяленое мясо волколиса и горсть гальки. — Дунай молча указывал направление. Соляная лагуна. День пути. Вода — есть шанс.

Бина, уже сидя верхом на ящере, бросила:

— Не лезь в пещеры, где светится красный песок. Там гнёзда огненных скорпионов.

Хиндо, усаживаясь в повозку, дал совет напоследок:

— Дерево... Ищи одинокое дерево. Говорят, под ним время спит...

И они растворились. Как песчинки, унесённые бурей. Осталась только я, мешок в руках и гробовая тишина, наступившая после их ухода.

Глава 3

Верящий

Вновь одна. Я начала свой путь к данному мне ориентиру — «дереву, где время замирает». Я не знала, верить ли им. Но они не убили меня, когда могли, и не оставили умирать одну. У меня нет других ориентиров. Только дерево. Только надежда.

Не знаю, как я пойму, оно ли это, и почему мне указали на него. Но за ним — «соляная лагуна» и шанс на воду. Боже, я готова всё отдать за глоток воды. Никогда бы не подумала, что жажда чего-то базового может быть такой раздражающей, больной и невыносимой. День пути теперь не казался мне испытанием. Испытанием оказалось одиночество и мысли-палачи.

Удивительно, как сильно меняется вой тишины в этом мире. Вот был отряд. Они общались жестами, я практически не слышала голосов. Но безмолвие было приятным, согревающим, спокойным. Сейчас же я отчётливо ловлю вопли ветра, скрежет песка, хруст под ногами. Невольно меня стали посещать раздумья. Что мне делать в этом мире? Как выбраться? Кем был Айнорд? Как звали его дочь, чью судьбу я украла? Как они погибли?

Эти мысли били меня по самым уязвимым местам души — остро, резко, без сожалений. И не давали ответов. Решив

отвлечься на что-то приятное, я вспомнила о мясе волколиса. Оторвав небольшой кусок, положила его на язык. Грубое, жилистое, солёное мясо вызвало взрыв изголодавшихся рецепторов. Привкус железа сменился на сладковато-пряный. С облегчением успокоив голод, я спрятала мешок обратно за пазуху. Нужно экономить: сама я мясо не добуду, а сколько в одиночку ходить — неясно.

Понемногу катая солёное волокнистое мясо по нёбу, бережно прокусывая прожилки, я задумалась. О моём отце, о моей жизни, о том, как я оказалась тут и почему. Что было последнее, что я помню о себе.

Картинка отца всплыла как яркое детское воспоминание: он учил меня кататься на роликах. Это был мой первый урок о боли и упорстве. Вспышка воспоминания — яркая и согревающая, как языки пламени костра. Его звонкий смех. Мои робкие шаги. Я вся укутанная в защиту от падений. То, как он за руку катит меня в парк через дорогу от дома. Его добрый смех. Первое падение и боль в ладонях, локтях, коленях. Мои слёзы и его мягкая, успокаивающая улыбка. Предательские крупные капли от воспоминания покатались по щекам.

Как он там? Знает ли, что я пропала? Переживает? Или я там мертва? Надеюсь, нет. Я не хочу, чтоб ему было больно. После ухода мамы в карьеру он стал совсем печальным. Я очень скучаю. В груди защемило, вырвался тихий всхлип. Я должна выбраться. Ради него. Ради мамы. Ради несбывшейся мечты стать актрисой.

Но вдруг — тишина. Белый шум ощущался физически, давя на всё моё сознание. Расползаясь по воспоминанию, он пожирал его полностью. По кусочкам, безжалостно, медитативно. Всё начинало меркнуть. Смех стал казаться далёким отголоском чего-то чужого. Ускользали и черты его лица. Я впиалась в фрагменты памяти, с усилием и надеждой их удерживать. Какой был цвет его глаз... А волосы... Ничего... Пустота... Папа...

Почему... Голос сорвался на крик.

— ПОЧЕМУ ТЫ ЗАБИРАЕШЬ У МЕНЯ ВСЁ САМОЕ ДОРОГОЕ?! КТО ТЫ?! ЧТО ТЕБЕ ОТ МЕНЯ НУЖНО?!

Почему она выбрала именно это воспоминание? Почему не день, когда я впервые вышла на сцену? Башня не выбирала. Ей было всё равно. Она берёт то, что может найти, и наблюдает. А моя память стиралась, оставляя глубокие и уже чужие мне шрамы на душе.

Падая на колени, я захлёбываюсь в собственной боли, стараясь не отдавать воспоминание о человеке, для которого я была всем... В груди осталась только ноющая чёрная дыра.

Я не знала, кому я кричала. Но кто-то там, за пределами этого мира, наблюдал за мной. Я чувствовала этот взгляд, что поднимал волну мурашек по затылку.

Ему нравилось смотреть. Любопытный, безжалостный надзиратель. Ответа не будет.

Успокоившись и встав на ноги, я уже не помнила, о чём так сильно переживала, но чувствовала, что лишилась че-

го-то важного. И пошла дальше. Вдалеке начал проступать силуэт одинокого, сухого, искривлённого дерева. Вот оно, я почти дошла.

Но по мере приближения мышцы напрягались сильнее. А мысли вопили о неправильности. Там сидел скелет. Ужасающие мысли об ещё одной трупке-копии пронзили позвоночник мурашками. Нет, нет, я сказала. Мёртвые мне ничего не сделают, бояться нужно живых.

Подходя ближе, я расслабилась — это не тело, точнее, не мертвец. Это был щуплый, полуживой, бледный мальчик со светлыми золотистыми волосами и зелёными, как листва в парке, глазами, которые откликались во мне чем-то родным, больным, незнакомым.

— Кто ты? — спросила я, выкрикивая это ветру, и он унёс звук прочь.

Вдали силуэт зашевелился, он приподнял голову. Я уловила тихий голос.

— А кто ты? Я не встречал... людей. Ты пришла... меня спасти? Я знал... верил.

— Я путница. Как тебя зовут? Как ты здесь оказался совсем один?

— Меня зовут... — Он замолчал. Лицо исказилось в попытках раздумья. — Нет. Ничего... Я... Я не помню... даже имени... Пустота... Ты сможешь мне? Это всё не просто так. Я знаю. Кто-то стёр моё имя, но я верю, что ты сможешь мне его найти.

Он говорил так, будто его специально поставили здесь. Он моя приманка. Я не знаю, кто и зачем играет со мной в столь жестокую игру. Но я смотрела в глаза этого юнца и верила: он сам этого не выбирал.

«Ох, и намучаюсь я с ним», — пронеслось в голове. Но выбора не было, я не могла его оставить. Щуплый, с тонкими, как у марионетки, частями тела, с осунувшимися плечами. Недавно сама была такой же брошенной. Мне помогли — и я помогу. Да и вдвоём не так страшно. Я помнила урок: в пустыне поодиночке не выживают.

Я никогда не хотела быть старшей сестрой. Мне нравилось быть единственным ребёнком в семье. Но глядя на него — маленького, обессиленного, голодного, похожего на скелет мальчишку, такого же брошенного, как я, — я поняла: я не в силах оставить его умирать здесь. Даже если это меня погубит. Мы одиноки с ним в этом злом и чужом мире.

— Встать можешь?

— Не знаю... Сейчас... — и, еле-еле опершись сначала о песок, а после цепляясь за потрескавшуюся кору дерева, он поднялся на ноги.

— Хорошо. Одет ты, конечно, не по-пустынному, но сейчас нам это не исправить. Хочешь есть или пить?

— Не отказался бы... На самом деле... я не знаю, сколько времени тут провёл.

— Хорошо. Смотри: это сушёное мясо волколиса. Его нужно смаковать, чтобы насыщение пришло быстрее, и эко-

номить ресурс. Это галька. Кладёшь её в рот и «полоскаешь» — выработается слюна, сможешь утолить жажду.

— А воды нет?

— Нет. Но мы можем её найти. Нужно будет идти дальше.

— Хорошо, веди меня. Я доверюсь.

Так мы начали наше общее путешествие дальше, в поисках источника воды и пещеры, где можно разбить лагерь и отдохнуть.

Пройдя достаточно времени, чтобы устать, мы наконец подошли к соляной лагуне. Нас встретил кристальный зев пещеры и куча расщелин.

— Пойдём внутрь, там может скопиться влага, — бросила я через плечо парнишке.

Шагнув в пасть пещеры, мы оцепенели от красоты, что предстала перед нами. Все кристаллы светились солнечными переливами, где-то откликнулась вода, капая и скатываясь по камням. Тут была обычная белая соль и необычного вида фиолетовые длинные кристаллы, похожие больше на леденцы.

Пройдя дальше, вглубь, мы наткнулись на необычный родник. Вода текла откуда-то сверху, но неправильно: оазис, в котором находилась вода, сплошь был в белых изломах, а вода... она поднималась вверх по водопаду. Я шагнула навстречу. Наклонилась и, уже думая попробовать чистой воды, замерла. На дне кратера лежала гора костей... Скелетов... Животных... Людей... Птиц... Они все были похоро-

нены заживо, испив воды...

Я сглотнула. Их вид был ужасен. По спине пробилась дрожь. Уже потеряв надежду найти тут питьевую воду, я услышала пение — мелодию капель, ударявшихся о фиолетовые кристаллы соли. Я подошла к одному ближе. Вода на этот раз стекала вниз. Кристаллы от её вибрации звенели.

Я ещё раз посмотрела на белые кристаллы — под ними только останки. Те, кто пил оттуда, уже никогда не вернуться. А фиолетовые поют, зазывают. Под ними нет мертвецов. Только вода, что стекала по ним вниз. Как положено.

Надо пробовать. Набрав немного в кожаный мешок, отложив мясо в свёрток, я рискнула. Прохлада, блаженная и необъятная. Чистая, кристальная вода с привкусом минерала пролилась по моей гортани. Недолго смакуя короткими глотками, я выпила ещё.

— Вот, держи, эта безопасная, — сказала я парнишке, протягивая бурдюк.

— Спасибо. Ты очень много для меня сделала. Вовек не забуду твоей доброты.

Хорошо напившись, мы решили разбить тут лагерь в тени и отдохнуть. Воды у нас теперь достаточно, но мясо может закончиться в скором времени. Нужно что-то придумывать.

Выйдя наружу, мы начали пытаться раздобыть хворост из перекати-полей. Они были ядовито-синего, режущего глаз аномального цвета, и найти их было несложно, но сложно — догнать.

— Давай я с этой стороны, а ты с той. Распыли песок — так мы сможем ориентироваться, в какую сторону оно покажется.

— Хорошо, я готов.

— Побежали!

И мы ринулись в разные стороны, карауля постоянно меняющийся ветер, чтобы поймать синий комок для будущего согревающего костра на ночлег.

— Левее! Оно сейчас уйдёт! — крикнул мальчишка, звук быстро растаял в шуме песка.

— Вижу! — И, догоняя ком ветвей, я сменила направление, чтобы успеть ухватиться за него.

— Готово! — крикнула я как команду, что пора возвращаться в пещеру и готовиться к костру и ночи.

Поймав ещё два маленьких куста по дороге назад, мы с закатом солнца, довольные, но уставшие, вернулись в лагерь.

— Я разведу костёр, а ты собери ещё воды нам на вечер. Сегодня перекусим подогретым мясом.

— Хорошо, — взяв кожаный сосуд, он удалился к краю пещеры, где напев камней был сильнее всего.

Я прислушалась и начала растирать ветку о ветку на приотпанных соляных кристаллах. Ноги безумно жгло от мелких порезов, которые образовались в процессе: соль только усиливала боль, но я уже привыкла.

Вой воды был похож на сложную симфонию гениального автора, что играл на одном инструменте, но очень мастерски.

Я скучала по музыке. В пустыне только тишина и скрежет песков были скорее белым шумом, нежели чем-то успокаивающим.

— Я принёс! — возвращаясь, сказал мне мальчишка.

— Слушай... Я не знаю твоего имени, как и ты. Но я хочу как-нибудь к тебе обращаться. Что думаешь?

— Да... Я тоже хотел тебе задать этот вопрос... У тебя самой есть имя?

Воцарилась мертвая тишина. Даже переливчатая дробь капель воды, казалось, остановилась.

— Нет... Точнее, я уверена, что оно было когда-то... До прихода в этот странный мир с дверьми-вселенными...

— Что... Какие ещё двери? Я ничего о таком не слышал. Тебе голову не напекло, пока мы бегали?

— Нет, к сожалению, нет. Я знаю... это прозвучит странно, но я не отсюда. Точнее, вообще скорее не из этой вселенной, не то что мира или пустыни...

Я не понимала, почему сейчас рассказываю ему всё это. Может, потому что он тоже брошен и у него так же нет имени. Или потому что он не спрашивал, кто я на самом деле, а просто решил выслушать. И я поняла: ему тоже нужна эта исповедь, чтобы он почувствовал, что не один. Что теперь нас двое. И мы пройдем через всё вместе.

— ...Да... В такое сложно поверить, но... Знаешь что? Я верю. Ты спасла меня, а я сам словно чистая пустыня. Мы тут оба со странностями.

— Спасибо... — вырвался тихий хрип из сдавленного обидой горла. Нет, не обидой на мальчика. Скорее грустью, что я не могла ни с кем этим поделиться и несла такую ношу одна. А теперь у меня есть он.

— Тебе тоже спасибо за всё, что для меня делаешь, хоть и не обязана. Другие бы... наверное, оставили меня умирать там дальше, пока я не иссохну и не стану новыми песчинками на ветру. Расскажешь свою историю? У меня нет своей, но я хочу узнать тебя и создать новую. Нашу...

— Да... — сорвалось с тихим всхлипом. Смахнув предательскую слезу, я начала свой рассказ: о том, как очнулась здесь, о странных правилах, своём кошмаре наяву, о том, что что-то забирает мои воспоминания... Обо всём, что лежало тяжким камнем на моей груди...

После долгого, напряжённого молчания и тугих мыслей:

— Так... Ты, получается, Переходящая? — слово прокатилось раскатным громом, откликаясь от стен пещеры.

— Переходящая... — произнесла я вполголоса, словно пробуя слово на вкус. Это мне подходит. Оно не режет меня. Не «дочь Айнолда». Я — Переходящая. Сквозь сны и вселенные. Приобретая это знание, во мне распространилось тепло, как от горячительного напитка.

— Да. Зови меня так, — сказала я, глядя на его изумрудные глаза, где блики зелёного пламени, отражаясь, дарили им невероятное, волшебное свечение.

— Вот и славно. С одним именем мы разобрались. А ты

не знаешь, где эта дверь? Может, мы смогли бы найти место для жизни получше пустыни.

— К сожалению, нет. Хотя мне бы тоже хотелось уйти в место поприятнее и подружелюбнее. Тут всё не то, чем кажется, и нужно постоянно быть настороже. Ты тоже это запомни — вдруг нам суждено будет разлучиться.

— Я запомню. Но я надеюсь, мы никогда не разлучимся. Я буду с тобой до конца, и я буду верить за нас двоих, что мы найдём отсюда выход.

— Почему ты так яро и слепо на меня полагаешься? Вдруг я всё тебе наврала или хочу причинить боль?

— Нет. У тебя глаза другие. С такими нет плохих людей. Я знаю.

— Хорошо, Верящий, — сказала я. Слово пришло на ум само. — Ты сказал, что веришь в меня. И вера — это всё, что у тебя есть. Будешь надеяться за нас двоих. У меня уже нет столько сил и энтузиазма.

— Верящий... Ха-ха-ха-ха! — раздался громкий смех, отражаясь колокольчиком и эхом по пещере. — Хорошо, я буду верить. Это у меня прекрасно получается. Ведь не зная и не помня ничего, надежда нужна как никогда.

И, тихо беседуя, понемногу устроившись плечом к плечу, мы уснули у зелёных проблесков огня.

«Предатели прознали, что ты жива, Асирис, Дочь Айнорда». У той, чью судьбу я украла, было имя. Оно врезалось в меня, как лезвие ножа в глотку, забрав весь кислород из

легких. Асирис. У нее было имя. Я перечитывала ее имя из разу в раз и испытывала... Стыд.

Она погибла. Ее семья погибла. А я ношу ее имя как украденную драгоценность. И в то же время мне больно - за ее смерть, за павший город, за то что я никогда не узнаю кем она была и каким человеком. А теперь я должна стать ею. Хотя бы для того, чтоб ее смерть не была напрасной. Не в силах вдохнуть. Я продолжила читать. «За твоей головой открыта охота. Будь осторожна». Меня заколотило с неистовой силой. Охота... Это моя плата за ложь...

За жизнь, которую я присвоила... Глаза продолжили бежать по тексту. — «Отряд будет ждать тебя в цитадели города Ай-нар. Встретить — не можем. Слежка. Подпись — Х». Дочитав послание, я надрывно вобрала воздух, задыхаясь и жадно глотая его. Меня окутала в липкие объятия, леденящая душу - животная паника. Это Хиндо... Я замерла... Пальцы сжали пергамент, по коже пробежала тряска. Какая охота? Во что меня втягивают? Как мне прийти туда, если я не знаю пути... Может, рог — это наводка? «Нельзя было оставить лису как проводника?» — с явным упреком прошептала я.

Начавши уже возмущаться я вспомнила, как песчаные лисицы появлялись из неоткуда как произошло только что, и как исчезали в песчаных туннелях. Их невозможно вести или идти за ними. Они приходят и уходят сами. Хиндо не мог ее мне оставить.

Только знак, и надежду. Мысли завертелись шумным ро-
ем тревоги внутри.— Эй, Переходящая, ты тут? — раздал-
ся возглас со стороны лагеря. «Мой спутник проснулся. Я
теперь не одна. Холодный ужас отступил. Надо рассказать и
поделиться рогом, ему он нужнее, и уверена, понравится».

Глава 4

Песчаный договор

С лучами испепеляющего света, проникающего в личное пространство мрака пещеры, проснулся и мой светлый лучик.

— Да, сейчас, я приду, просто умывалась. — Сказала я чуть дрожавшим голосом, не хотелось пугать его этой вестью, ему и так нелегко. Пройдя дальше, на место разбитого лагеря, я неловко, со скованными мышцами, под села рядом с Верящим.

— Ты... Ты в порядке? Выглядишь как-то устало, плохо спала?

— Нет. Нет, всё хорошо. Просто... Тут гонец прислал весть, и она отнюдь не хорошая. — Сказала я с нервозностью в голосе, собирая дрожавшими руками провиант.

— Что за новости, и кто гонец? Почему я его не заметил?

— Это песчаная лисица. Их не заметить, если они сами не захотят показаться. Я сама пока не знаю, как они это делают. Но сейчас не об этом стоит думать. Нам надо идти к развалинам, а дальше — в направлении цитадели Ай-Нар.

Я не знала, зачем за мной охотятся и кто. С новым именем у меня появились не только союзники, но и враги. Я уже взвалила чужую судьбу на свои плечи и должна отыгрывать её до конца. Я не знаю, зачем им нужна Асирис и что про-

изойдёт, если меня поймают. У меня есть только письмо от Хиндо и надежда, что они мне помогут. Нужно идти к ним. Скитаться по пустыне долго не выйдет — наёмники всё равно найдут меня. Выбора нет. В этом мире его не существует для такой, как я.

— А зачем нам туда? Нас ждут?

— Нет, не совсем. Мне сложно это тебе говорить, но на меня открыта охота, и есть союзники, которые могут помочь мне с этим разобраться.

— Хорошо. Если ты им доверяешь, то и я буду. Помогу тебе собрать лагерь. Когда отправляемся?

Он доверял мне настолько, будто верил, что я знаю, что делаю. Но я не знала. И этот блеск в его глазах мне больше всего не хотелось тушить своей неуверенностью в решении и страхом — уже за нас двоих.

— Желательно сейчас. Кто знает, далеко ли охотники за головами.

И тихо, быстро собравшись и запасшись водой, мы были готовы покинуть пещеру. Окинув её на прощание печальным взглядом. Хотелось бы в ней укрыться, остаться, спрятаться, но это будет лишь иллюзия безопасности, и еды нам тут не добыть. Но на выходе я вспомнила об одной вещи. Сладость после горьких новостей будет как нельзя кстати.

— Вера моя, подойди-ка.

— Да, что-то случилось?

— Нет, вот — держи. — Я аккуратно положила в его руки

рог ящерицы. — Это съедобно. Нужно его расколоть и достать мякоть, она вкусная и освежает лучше воды.

Я только что сообщила ему, что на меня открыта охота. Что он может пострадать, потому что он со мной. Ему страшно, но он всё равно выбрал довериться мне. И я хочу дать ему хоть что-то хорошее, даже если это всего лишь небольшая сладость после той горечи моего признания.

— Спасибо. Но, может, тогда он нужнее тебе? Давай его поделим? Так нам обоим будет легче идти.

— Хорошо, тогда так и поступим.

И быстро разобравшись со скорлупой, мы съели по мятной освежающей мякоти и вышли из тени, выдвинувшись в путь.

Спустя несколько часов в молчании я всё же решила заговорить.

— Знаешь, я очень рада, что у меня теперь есть ты, и я не хотела бы, чтоб ты пострадал из-за меня в будущем. Прости за эту ситуацию. — Выдавила я прискорбно из себя.

Я смотрела на него и чувствовала глубокую вину, что сдавливала мою грудную клетку всё сильнее. Я спасла его и сама же обрекла на страшное и неизведанное будущее. Я соврала отряду. Я забрала чужое имя. И он теперь под ударом, потому что я решила выставить себя кем-то другим. Со своей смертью я могу примириться — на грани я нахожусь ещё с того момента, как сюда попала. Но он... Мне его жалко, он не заслужил этого.

— Всё хорошо, я понимаю, что в этом нет твоей вины. Но я не уйду от тебя в любом случае. Ты единственная, кто помог мне, и я готов отплатить тем же. — С лёгкой улыбкой на лице ответил он, повернувшись ко мне своими светлыми, свежими глазами, взглядом поглаживая рёбра изнутри.

— Тебе понравилось угощение? — спросила я, решив сменить тему. — По пути в город Ай-Нар, в развалинах их много. Я там уже бывала, можем разбить лагерь и поесть мяса, набрав рогов как угощение в дорогу, если поймаем их, конечно.

— Да, было очень необычно и вкусно. Будто я попробовал что-то из другого мира. Я помогу тебе с охотой. А мясо такое же необычное на вкус?

— Нет, мясо у них обычное. Но это и хорошо, тебе нужно набираться сил.

Дальше путь прошёл более спокойно. Тяжесть груза и ответственности спала с плеч, как я поняла, что он будет рядом, и даже охота на меня уже не вызывала такого первобытного ужаса.

Мы пришли к развалинам, когда уже начало вечереть, и холод понемногу пробирался по костям, растягиваясь от ступней, желая завладеть всем телом.

Собрав хворост из синих комков, мы снова устроили себе ложе из более мягких веток и развели костёр. В тишине, рядом друг с другом, мы протянули свои конечности к зелёному пламени, стараясь прогнать весь холод. Из-за стен начало

понемногу слышаться стрекотание. Я его узнала сразу.

— Тихо... — прошипела я перед тем, как Верящий хотел задать вопрос. — Они очень пугливые. Не спугни их звуками и движениями. Мы должны подождать, как их наберётся больше, и расщелины зальёт синим светом, тогда начнём охоту. Бери палку, по краям сточи и заостри конец.

— Хорошо... Ты мне покажешь, как правильно?

— Да. Смотри. После понемногу поднимайся и тихой поступью следуй за мной. Нужно зайти со стороны ветра, чтоб они не среагировали.

И, вспоминая уроки отряда, я потихоньку начинала сливаться с тенями, ловя глазами отблеск рогов, стараясь увидеть более хорошую добычу. Верящий же не отставал и строго шёл за мной следом. Но, забывши следить за окружением, оступился, вызвав хруст ветки под ногой. Мы замерли, не дыша. Но добыча не среагировала.

И вот. Завидев крупный рог на расстоянии вытянутой руки, я остановилась. Жестом руки приказав мальчику пригнуться и обойти меня с другой стороны. Надо было закрыть путь отступления добыче.

Приготовив своё новое оружие и встав на позиции, мы стали выжидать, как ящерка решит показаться. Минута ожидания казалась растянувшейся на час, всё вокруг замедлилось. Казалось, что само сердцебиение старается не пропускать удары, чтоб не спугнуть лакомство. Секунда, вторая. Вот она! Резко вытянутая голова показалась из щели. Недол-

го соображая, она убедилась в опасности и понеслась напрямик к затаившемуся Верящему.

Резко выкинув руку, я пригвоздила её за хвост, но она, увы, без сожалений оторвала кусок мяса от себя, оставив его на кончике, и побежала дальше. Тут-то её и настигла неминуемая участь — без промедлений Верящий вбил в её тушу своё импровизированное оружие. Существо, побившись два-три раза в конвульсиях, обмякло.

— Ура, у меня получилось! — выкрикнул довольно мальчишка, заставив меня от неожиданности замереть и распахнуть глаза.

Я чуть не сорвалась на крик. Не потому что разозлилась, нет. Просто эти ящерицы — единственная еда, что нам доступна. А еда в этом мире — жизнь. Если спугнём, всё может обернуться очень плачевно, и нам нечем будет питаться. Я уже не могу себе позволить такую роскошь, как быть доброй, когда на кону стоит вопрос о нашем выживании и жизнях.

— Да, ты молодец. — Еле сдержалась я от ругани. — Хочешь первым её приготовить? Остальные всё равно сейчас разбежались из-за шума, чуть позже мы с тобой поймаем ещё несколько. — Сказала я с родительской интонацией в голосе.

— Ой... Прости... Прости, пожалуйста. Я так обрадовался тому, что смог её поймать, что совсем забыл о соблюдении тишины. Мне очень жаль.

— Всё хорошо, не переживай. Главное, что ты доволен, а их мы ещё наловим. — С лёгкой улыбкой произнесла я,

трепля его золотистые локоны на макушке. — Пошли пожарим. Ты, наверное, проголодался.

— Да, пошли. Мне не терпится уже поесть. — И в ответ на это его желудок громко заурчал, вызвав тихий смех нас обоих.

Разделив добычу и после поймав ещё три штучки новых, мы достаточно насытились, спрятав в мешочки рога на будущее. И бок о бок устроились на ложе, засыпая под треск костра.

Пробуждение вышло резким: меня будто достали рывком из-под толщи воды. Открыв глаза, я заметила, что мой рот был закрыт рукой силуэта, приказавшего жестом молчать. Позади него был точно такой же силуэт-тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.